

УДК 433.13(476)

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ СРОКОВ ДАВНОСТИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ К УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ**А.М. БЫСТРИКОВ***(Полоцкий государственный университет)*

Анализируются актуальные вопросы реализации уголовно-правовых отношений при применении сроков давности привлечения к уголовной ответственности, а также других оснований освобождения от уголовной ответственности. Рассмотрены виды уголовно-правовых отношений, различные подходы к определению объекта уголовных правоотношений, а также институт уголовной ответственности как объект уголовно-правовых отношений в контексте реализации сроков давности привлечения к уголовной ответственности.

Ключевые слова: *уголовно-правовые отношения, объект уголовных правоотношений, уголовная ответственность, сроки давности привлечения к уголовной ответственности, цели уголовной ответственности.*

Введение. На данный момент в национальном уголовном праве Беларуси существует ряд институтов, которые в императивном либо неимперативном порядке устраняют возможность привлечения лица к уголовной ответственности за совершенное преступление. К таковым можно отнести: истечение сроков давности привлечения к уголовной ответственности; истечение сроков давности исполнения обвинительного приговора (императивные основания); освобождение от уголовной ответственности с привлечением лица к административной ответственности; освобождение от уголовной ответственности в силу утраты деянием или лицом общественной опасности; освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием; освобождение от уголовной ответственности в связи с добровольным возмещением причиненного ущерба (вреда), уплатой дохода, полученного преступным путем; освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим (неимперативные основания). Данные основания реализуются без привлечения лица к уголовной ответственности, соответственно, про вынесение обвинительного приговора говорить не представляется возможным.

Ввиду непривлечения лица к уголовной ответственности за совершенное общественно опасное деяние существует вероятность возникновения правовой коллизии – проблематика реализации целей уголовной ответственности в частности и уголовно-правовых отношений в целом.

Так, имеется юридический факт начала уголовно-правовых отношений (совершение преступления); подразумевается наличие прав и обязанностей у лица, его совершившего, и государства; возникает необходимость реализации целей уголовной ответственности как объекта данных правоотношений. Тем не менее, в юридической литературе относительно уголовного правоотношения вопрос реализации правоотношения как такового при применении институтов освобождения от уголовной ответственности детально не освещен.

В рамках данного исследования предлагается остановиться на императивных институтах освобождения от уголовной ответственности. Данный выбор обусловлен как общей направленностью исследования, так и механизмом реализации императивных и неимперативных норм. В нормах Уголовного кодекса (далее – УК), регламентирующих указанные выше основания неимперативного характера, содержатся критерии, по которым правоприменительные органы могут оценивать как посткриминальное поведение лица, так и размер ущерба, причиненного преступлением. На основании данных оценочных показателей определяется целесообразность освобождения лица от уголовной ответственности. Императивные институты подразумевают под собой бескомпромиссное применение независимо от критериев, закладываемых в неимперативные институты при выполнении условий, содержащихся в норме закона.

Основная часть. При совершении преступления возникают определенного рода общественные правоотношения между преступником и государством. При этом данные общественные отношения должны обладать всеми признаками правоотношения как такового.

Правоведы выделяют следующие признаки правоотношения: «1. Правоотношения возникают на основе норм права... 2. Правоотношения – это всегда двусторонняя связь... 3. Правоотношения характеризуются наличием у сторон взаимных прав... 4. Правоотношения есть индивидуализированная связь конкретных лиц... 5. Правоотношения обеспечиваются государственно-правовыми механизмами... 6. Правоотношения возникают по поводу реального блага...» [1, с. 477–479].

Остановимся на каждом из признаков подробнее.

Уголовно-правовые отношения возникают на основании норм, установленных в УК, между лицом, совершившим преступление, с одной стороны, и государством – с другой. Возникающие право-

отношения строятся вокруг посягательства на реальное благо, причинения ему вреда, допустим, жизни и здоровью конкретного лица или его имуществу.

Исходя из общеправовой концепции, в случае применения сроков давности привлечения к уголовной ответственности ставится под сомнение наличие в возникших уголовных правоотношениях некоторых из вышеперечисленных признаков. Не возникает двусторонней связи между преступником и государством в лице правоохранительного органа, характеризующейся наличием классического понимания взаимных прав и обязанностей. В случае с привлечением лица к уголовной ответственности возникает обязанность последнего претерпеть негативные последствия девиантного поведения, а также право на законное привлечение к уголовной ответственности. В свою очередь, государство в лице правоохранительного органа имеет право на законное привлечение данного лица к уголовной ответственности и обязанность по защите и восстановлению нарушенных правоотношений. В случае же с применением сроков давности привлечения к уголовной ответственности присутствует единственная обязанность со стороны правоохранительного органа – освободить лицо от уголовной ответственности, и одностороннее право со стороны лица, совершившего преступление, – требовать от правоохранительного органа исполнения нормы закона.

Представляется, это не в полной мере соответствует пониманию охранительного уголовно-правового отношения, на понятии и содержании которого мы остановимся в дальнейшем. Данная позиция озвучена с точки зрения общей теории права. Однако в науке уголовного права нет однозначного подхода к определению понятий и содержания таких правовых категорий, как «уголовно-правовые отношения» и «объект уголовно-правовых отношений». Тем более, что не в полной мере отражен вопрос реализации отдельных правовых институтов в контексте наличия уголовно-правовых отношений и его объекта.

В определении содержания уголовно-правового отношения существует достаточно широкий плюрализм мнений. В.В. Марчук отмечает следующее: «Теоретический и практический интерес представляет понимание сущности и содержания уголовно-правового отношения, возникающего в связи с совершением общественно-опасного деяния, запрещенного уголовным законом. До настоящего времени по данному вопросу не выработано единого подхода» [2, с. 1]. По его мнению, «Решению проблемы во многом препятствует терминологический хаос, который наблюдается в науке уголовного права при определении видов уголовно-правовых отношений» [2, с. 2].

М.Н. Белов в своей диссертационной работе, посвященной рассматриваемой проблематике, говорит о том, что уголовно-правовые отношения есть «общественные отношения, возникающие между лицом, совершившим общественно опасное деяние, и правоохранительными органами государства в целях восстановления социальной справедливости, предупреждения общественно опасных деяний, исправления или излечения лиц, их совершивших, содержанием которого является взаимодействие его субъектов, а формой, определяющей легитимность такого взаимодействия, субъективные права и обязанности его субъектов, реализуемых в рамках уголовно-процессуального, уголовно-исполнительного и административного законодательства» [3, с. 16–17]. Давая такое определение, он определяет их как охранительные правоотношения. Основанием возникновения уголовно-правового отношения является юридический факт совершения лицом уголовно наказуемого деяния. Тем не менее, наличие уголовно-правового отношения само по себе не значит ни наличия уголовной ответственности, ни других уголовно-правовых институтов. В последующем, применяя те либо иные уголовно-правовые нормы, как то обстоятельства, смягчающие либо отягчающие ответственность, мы наполняем уголовно-правовые отношения определенным содержанием, в т.ч. и реализуя институт уголовной ответственности как объект данного правоотношения, достигая вышеприведенных целей. В случае с применением сроков давности встает вопрос о наличии наполнения уголовно-правовых отношений содержанием как таковым. Речь идет не о применении процессуального и исполнительного уголовного закона, а только о применении административного законодательства в контексте реализации освобождения от уголовной ответственности с привлечением лица к ответственности административной, но в данном контексте – о начале административно-деликтных правоотношений.

Таким образом, не представляется возможным говорить о реализации целей уголовной ответственности. Так, у нас отсутствуют данные о посткриминальном поведении лица, которыми мы руководствуемся при применении институтов, связанных с неимперативными основаниями освобождения от уголовной ответственности (возмещение ущерба, деятельное раскаяние и т.д.). Самим фактом непривлечения лица к уголовной ответственности в связи с истечением сроков давности такая цель, как общее предупреждение, имеет, скорее, обратный эффект, заключающийся в формировании безнаказанности за совершенное преступление в правосознании социума. Это же применимо к частному предупреждению, т.к. лицо не понесло заслуженного наказания за совершенное преступление, что, возможно, негативно сказывается на формировании понятия недопустимости противоправного поведения. Восстановление социальной справедливости невозможно, т.к. правоохранительный орган не в состоянии с точки зрения закона требовать от преступника восстановления нарушенных правоотношений.

Н.М. Кропачев определяет конкретное уголовно-правовое отношение как «урегулированную нормой уголовного права индивидуализированную правовую связь, являющуюся формой (результатом) конкретного уголовно-правового поведения» [4, с. 11]. В данном ключе уголовно-правовые отношения видятся как правовая связь лица, совершившего преступление, и государства, образующая двухстороннюю совокупность прав и обязанностей, возникающих с момента совершения преступления. По его мнению, «содержание уголовных правоотношений образует уголовно-правовое поведение субъектов, реализующих субъективные права и выполняющих возложенные на них юридические обязанности» [4, с. 12]. Это значит, что определенному праву одного из субъектов соответствует (корреспондирует) сходная обязанность противостоящего субъекта. Так, у государства есть право привлечь лицо к уголовной ответственности за совершенное преступление, а у лица есть обязанность претерпеть негативные последствия своего девиантного поведения. В т.ч. у лица, которому совершенным преступлением причинен определенный вред, наличествует право на восстановление нарушенных правоотношений (возмещение ущерба), а у государства – обязанность принять все возможные меры к их восстановлению.

Исходя из данного содержания уголовного правоотношения, нельзя говорить о его наличии при применении сроков давности привлечения к уголовной ответственности из-за невозможности реализации вышеприведенной индивидуализированной правовой связи.

В диссертационной работе Н.В. Генрих, определяя содержание уголовно-правовых отношений, говорит следующее: «Эволюция взглядов на предмет и метод уголовно-правового регулирования позволяет классифицировать представления о механизме действия и социальной направленности уголовного права как отрасли: а) не регулирующей, а лишь охраняющей базисные отношения (основное внимание уделяется праву государства на наказание преступника); б) регулирующей особую группу общепредупредительных отношений (акцент смещается на обязанность граждан соблюдать уголовный закон); в) регулирующей отношения между преступником и государством (с акцентом на их взаимной правовой связи)» [5, с. 36–37]. Выделяя охранительные, предупредительные и регулятивные правоотношения, Н.В. Генрих солидарен с позицией А.В. Наумова, который понимает под их содержанием: в первом случае, отношения, возникающие при совершении преступления; во втором – наличие нормы закона, удерживающей лицо от совершения преступления; в третьем – отношения, возникающие при дозволительном поведении, т.е. при необходимой обороне, обоснованном риске и т.д. [6, с. 6–10]. В данной классификации мы склонны с ними солидаризироваться ввиду исчерпываемости данного перечня видов уголовных правоотношений.

Рассматривать применение сроков давности привлечения к уголовной ответственности в контексте регулятивных правоотношений недопустимо, т.к. они возникают в случае применения конкретных норм уголовного закона, содержащих в себе дозволение на определенное в законе поведение, т.е. обстоятельства, устраняющие преступность деяния как таковую. В данном же случае совершение преступления является установленным юридическим фактом. Соответственно мы говорим о начале охранительных правоотношений, а не о регулятивных.

В контексте предупредительных правоотношений сроки давности привлечения к уголовной ответственности реализовать невозможно в связи с двумя аспектами.

Первый, и самый главный, заключается в том, что в самой диспозиции ст. 83 УК содержится: «Лицо освобождается от уголовной ответственности, если со дня совершения преступления истекли следующие сроки...». Данная норма определяет начало течения срока давности с момента совершения преступления, тем самым определяя начальную точку правоотношения. Предупредительные правоотношения заканчиваются тогда, когда лицом совершено преступление, т.е. нарушены защищаемые блага какой-либо из норм, и возникают охранительные правоотношения.

Второй аспект заключается в том, что объектом предупредительных правоотношений выступает правомерное поведение по отношению к запретительным нормам УК. Сроки давности не содержат в себе запрета на совершение преступления и не регламентируют правомерное поведение лица по отношению к нормам Особенной части УК.

В целом уголовно-правовые отношения возможно охарактеризовать в двух аспектах: регулятивные (предупредительные) и охранительные.

Так, Н.М. Кропачев отмечает, что «выделяются два основных вида уголовных правоотношений. Регулятивные правоотношения, проявляющиеся главным образом в добровольном осуществлении общественно необходимого поведения и имеющие целью предупредить совершение уголовно-противоправных деяний. Охранительные правоотношения, в рамках которых осуществляется возложение и реализация уголовной ответственности и наказания» [4, с. 23].

Исходя из вышеизложенного, охранительные уголовно-правовые отношения реализуются посредством института уголовной ответственности, который, по мнению большинства ученых, является объектом уголовного правоотношения.

В случае применения императивных институтов освобождения от уголовной ответственности уголовные правоотношения возникают, т.к. налицо совершение преступления, тем не менее они не наполняются соответствующим правовым содержанием. Как следствие, не представляется возможным говорить о реализации задач и функций уголовного закона в целом и целей уголовной ответственности в частности. В случае с неимперативными основаниями освобождения от уголовной ответственности, такими как институт деятельного раскаяния, речь идет об оценке посткриминального поведения лица, совершившего преступление, а также о восстановлении нарушенных правоотношений, выраженном в том, что лицо добровольно явилось с повинной или активно способствовало выявлению, раскрытию преступления, возместило причиненный преступлением ущерб, уплатило доход, полученный преступным путем и т.д. При этом критерии, по которым оценивается посткриминальное поведение преступника, а также условия, при которых возможно применение данной нормы, заложены в самом уголовном законе.

Учитывая то, что уголовно-правовые отношения начинаются с момента совершения преступления, в случае с неимперативными основаниями освобождения от уголовной ответственности они возникают и приобретают правовое содержание посредством реализации норм, регламентирующих институт деятельного раскаяния. При применении норм ст. 88 и 88(1) УК лицо, совершившее преступление, предпринимает действия добровольного характера, направленные на восстановление нарушенных правоотношений, при этом данное поведение частично свидетельствует о достижении такой цели уголовной ответственности, как исправление лица, совершившего преступление. Ценностные критерии, заложенные в данные нормы, рассматриваются судом с целью определения правовой возможности применения норм, регламентирующих деятельное раскаяние. Когда же речь идет о сроках давности привлечения к уголовной ответственности, у нас нет ценностных критериев, по которым мы можем судить о посткриминальном поведении лица, совершившего преступление, или о восстановлении нарушенных правоотношений. Однако данное основание является императивным и не может применяться по усмотрению суда.

Говоря об основаниях применения сроков давности, подразумевается достижение исправления лица, совершившего преступление, и нецелесообразность реализации остальных целей уголовной ответственности. Вместе с тем, как нами обозначалось ранее, уголовная ответственность есть средство реализации уголовных правоотношений; в случае же со сроками давности говорить о наличии правового содержания уголовно-правовых отношений не представляется возможным. В данном контексте сроки давности предстают как норма уголовного закона, реализуемая вне сферы всех видов уголовных правоотношений, что порождает необходимость изменения нормы с точки зрения реализации уголовно-правовых отношений либо создания теоретического обоснования их наличия и применения.

Отдельной темой обсуждения следует назвать место и значение объекта уголовного правоотношения при применении сроков давности привлечения к уголовной ответственности. Нами была поставлена под сомнение возможность наличия уголовно-правового отношения в классическом понимании при применении сроков давности. Таким образом, имеет ли место объект уголовного правоотношения при применении данного института?

В общеправовой теории под объектом правоотношения понимают следующее: «то, на что направлены субъективные права и юридические обязанности его участников, иными словами, – то, ради чего возникает само правоотношение. Возможность чем-то владеть, пользоваться, распоряжаться, вести себя определенным образом, претендовать на действия других является субъективным правом. Все это попадает под понятие объекта. Обязанность призвана обеспечивать осуществление данного права, а следовательно, и нормальное функционирование правового отношения в интересах управомоченного и государства в целом» [1, с. 483]. Все признаки, присущие объекту правоотношения в общеправовой теории свойственны в т.ч. и объекту уголовного правоотношения, независимо от подходов, выделяемых к его определению. В теории уголовного права наблюдаются расхождения в определении объекта уголовного правоотношения.

Г.О. Петрова выделяет три вида уголовно-правовых отношений: «общий, родовой и непосредственный. Общий объект уголовно-правового отношения – это нарушенный или поставленный под угрозу нарушения общественный порядок; родовой – нарушенный правопорядок и непосредственный – нарушенное или поставленное под угрозу нарушения конкретное правоотношение» [7, с. 23].

К подобному мнению в своей диссертации склоняется и А.З. Хун, выделяя следующие объекты уголовного правоотношения: «а) *общий объект* (совокупность всех интересов общества, государства, юридических и физических лиц, посягательство на которые запрещено уголовным законодательством); б) *родовой объект* (отдельная, относительно широкая группа однородных интересов общества, государства, юридических и физических лиц, посягательство на которые запрещено уголовным законодательством); в) *видовой объект* (отдельная, относительно узкая группа интересов общества, государства, юридических и физических лиц, посягательство на которые запрещено уголовным законодательством); г) *непосредственный объект* (конкретные интересы общества, государства, юридических и физических лиц, посягательство на которые запрещено уголовным законодательством); д) *реальный объект* (кон-

кретные интересы общества, государства, юридических и физических лиц, подвергнутые реальному посягательству, запрещенному уголовным законодательством)» [8, с. 43].

С нашей точки зрения, происходит своего рода подмена понятий, заключающаяся в наложении объекта преступного посягательства (преступления) на более широкое понятие объекта уголовно-правовых отношений. Такая интерпретация представляется не совсем корректной, т.к. действие конкретной нормы общей части уголовного закона подразумевает наличие факта совершения противоправного деяния (действие уголовного закона во времени). А в случае с подобным определением объекта правоотношения за «кормой» его сущности остаются институты уголовного права, непосредственно не связанные с посягательством на конкретные общественные отношения. Данная классификация применима к объекту преступления, к нормам, содержащим в себе непосредственную охрану конкретных общественных отношений.

Существует и другое мнение относительно определения объекта уголовного правоотношения. Так, П.С. Элькиндр отмечает следующее: «Если под объектом правоотношения понимать то, на что направлено его содержание, то есть на что направлены права и обязанности субъектов правоотношения, их возможное (должное) поведение, то общим объектом уголовного правоотношения будет наказание (в установленных законом пределах) и тем самым воспитание и перевоспитание лиц, совершивших преступление» [9, с. 33].

Не представляется возможным согласиться с данной концепцией ввиду того, что наказание как правовой институт более относимо к уголовно-исполнительному праву. Соответственно целесообразнее говорить о наказании как объекте правоотношения вышеуказанной отрасли. В т.ч. стоит отметить, что существует достаточное количество правовых институтов в уголовном праве, реализация которых не связана с назначением и исполнением наказания.

Последний подход к определению объекта уголовного правоотношения – это определение в качестве объекта уголовной ответственности. Данной концепции придерживаемся и мы, соглашаясь с Н.М. Беловым: «Однако более точно объекту уголовного правоотношения соответствует другой объект, выдвинутый плюралистической теорией, а именно – результат человеческого поведения» [3, с. 55]. Уголовная ответственность предстает перед нами как определенного рода двухсторонняя совокупность прав и обязанностей лица, совершившего преступление, и государства в лице уполномоченных органов. В таком ключе в случае реализации сроков давности привлечения к уголовной ответственности возникает спорный вопрос о наличии объекта правоотношения как такового. Ведь лицо, освобожденное от уголовной ответственности по данному основанию, освобождается от уголовной ответственности. Говоря об основаниях применения сроков давности, подразумевается достижение исправления лица, совершившего преступление, и нецелесообразность реализации остальных целей уголовной ответственности. Тем не менее, как нами обозначалось выше, уголовная ответственность есть средство реализации уголовных правоотношений, в случае же со сроками давности говорить о наличии правового содержания уголовно-правовых отношений не представляется возможным.

В ст. 44 Уголовного кодекса Республики Беларусь законодатель определяет уголовную ответственность как факт осуждения от имени Республики Беларусь по приговору суда лица, совершившего преступление, и применения на основе осуждения наказания либо иных мер уголовной ответственности в соответствии с настоящим кодексом. Из данного определения следует, что уголовная ответственность, с одной стороны, заключается в претерпевании преступником правовых последствий своего деяния (осуждение его и ограничения имущественного, организационного и правового характера), а с другой – выражает факт осуждения лица со стороны государства. Уголовная ответственность в своем роде является тем уголовно-правовым механизмом, который обеспечивает неприкосновенность общественных отношений, охраняемых уголовным законом. Она не содержит в себе основы, которая позволяла бы освободить от уголовной ответственности. Тем самым данный институт обеспечивает свою неизбежность и непреклонность в плане реализации ответственности лиц, совершивших общественно опасное деяние.

На основе вышесказанного представляется возможным определить характерные черты уголовной ответственности. Уголовная ответственность определяется как «*обязанность* виновного лица отвечать за совершенное преступление в соответствии с уголовным законом; *фактическое применение* к лицу мер уголовно-правового воздействия и претерпевание им предусмотренных уголовным законом лишений и ограничений; осуждение лица за содеянное, порицание и признание преступлением его поступка; *совокупность правоотношений*, определяющих привлечение к ответственности, назначение и исполнение наказания» [10, с. 193]. Хотелось бы представить уголовную ответственность и как следствие реализации такой обязанности государства, как *осуждение лица*, совершившего преступление, выделяя это в очередное значение уголовной ответственности в уголовном праве.

Как говорилось ранее, правоотношения носят двухсторонний характер. В данном случае он заключается, с одной стороны, в обязанности преступника по претерпеванию определенных ограничений, с другой – в обязанности государства по применению данных ограничений по отношению к пре-

ступнику. Для более полного понимания сути названных черт уголовной ответственности, а также определения их значения для реализации целей уголовной ответственности, необходимо рассмотреть каждое из них в отдельности. При этом исследовать их в призме реализации целей уголовной ответственности и как следствие возможности возникновения оснований для освобождения от уголовной ответственности при истечении давностных сроков.

В чем же заключается обязанность лица отвечать за совершенное преступление? Н.А. Бабий дает следующую трактовку этой составляющей: «С момента совершения преступления у виновного возникает обязанность ответить перед государством за содеянное» [10, с. 193]. Как видим, речь идет именно об обязанности преступника отвечать перед обществом и государством за содеянное. Данное утверждение уже само по себе несет в себе обязательность наступления уголовной ответственности и не предполагает каких-либо компромиссов между обществом и государством, с одной стороны, и преступником – с другой. Можем предположить, что неизбежность выполнения преступником этих обязанностей является гарантом реализации целей уголовной ответственности. Говоря об обязанности, мы должны говорить о возникновении правоотношений: «Определить уголовную ответственность как правоотношения, возникающие с момента совершения преступления, в рамках которых и на основании закона уполномоченный на это государственный орган порицает (осуждает) преступное деяние, человека, его совершившего, ограничивает его правовой статус и возлагает на него обязанность вынужденно претерпеть лишения личного или имущественного характера исключительно с целью восстановления нарушенных законных прав потерпевшего и положительной ресоциализации сознания и поведения преступника» [11, с. 72]. Или, согласно В.Н. Петрашеву: «Прежде всего государство вправе принудить лицо, совершившее преступление, претерпеть лишения и неблагоприятные для него последствия в целях восстановления нарушенной этим лицом социальной справедливости, а само это лицо обязано подвергнуться такому принуждению» [3, с. 95–96]. Следовательно, уголовная ответственность – это правоотношения, возникающие между сторонами, одной из которых является государство со своими правами на восстановление справедливости, а другой – преступник со своими обязанностями по ее восстановлению. Говоря о правах государства на восстановление нарушенных правоотношений, не стоит забывать, что это и обязанность государства по отношению к обществу. Таким образом, данная черта уголовной ответственности – своеобразный гарант реализации целей уголовной ответственности.

Несмотря на все перечисленные доводы, при рассмотрении сроков давности мы столкнулись с тем, что эти цели могут реализовываться без уголовной ответственности. Тогда становится непонятным: каким образом цели уголовной ответственности достигаются, если не была соблюдена такая составляющая, как обязанность лица претерпеть последствия своего преступного деяния. Государство обязано отреагировать на факт совершенного преступления, применив по отношению к лицу, совершившему преступление, соответствующие меры воздействия; как отмечает Н.А. Бабий, «только непосредственно в суде виновный отвечает перед лицом государства за свое поведение» [10, с. 194].

Следующей составляющей мы рассмотрим факт осуждения лица за совершенное преступление как оценочную реакцию общества и государства. Названный механизм есть своеобразный критерий отношения общества и государства к общественно опасному деянию, основание для признания необходимости реализации целей уголовной ответственности.

Откуда же вытекает вообще понятие осуждения в уголовной ответственности? На этот вопрос дает ответ комментарий к Уголовному кодексу: «Объединяющим правовым началом различных по характеру мер уголовной ответственности является факт осуждения лица, совершившего преступление, как преступника, что следует из осуждающе-запрещающего характера уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за соответствующее преступление» [12, с. 126]. Т.е. уголовная ответственность сама по себе подразумевает осуждение лица, совершившего преступление, в силу того, что ответственность без осуждения наступить не может. Мы приходим к тому, что ключевой составляющей и основным связующим звеном уголовной ответственности является осуждение; согласно Н.А. Бабию, «Именно осуждение выражает сущность уголовной ответственности» [10, с. 194]. По мнению В.Н. Петрашева, «Уголовная ответственность, так как она «генетически» связана с фактическим преступным деянием, функционально сориентирована на лицо, совершившее преступление, содержательно неразрывна с осуждением и наказанием виновного» [13, с. 94]. Следовательно, в случае применения сроков давности представляется невозможной реализация целей уголовной ответственности, ввиду отсутствия фактического осуждения.

Достижение целей уголовной ответственности возможно лишь через наступление самой ответственности и факта осуждения лица. Если пойти от обратного и представить, для чего существует уголовная ответственность, мы будем вынуждены констатировать, что «Уголовно-правовые регулятивные отношения существуют и реализуются с единственной целью – воздействовать на личные или имущественные блага лица, совершившего преступление, чтобы добиться одновременно тройного эффекта: восстановления нарушенных преступлением прав потерпевшего, положительной реформации сознатель-

но-волевой и поведенческой деятельности преступника и, наконец, достижения цели общего предупреждения» [13, с. 94]. Значит, уголовная ответственность есть механизм достижения ее целей. Отсюда нам становится понятен правовой смысл осуждения как составной части уголовной ответственности. Осуждение является той основой, которая обеспечивает достижение целей уголовной ответственности и реализуется в рамках привлечения к уголовной ответственности.

Понятие осуждения дается в различной литературе приблизительно одинаковое. В комментарии к Уголовному кодексу определено: «Осуждение от имени Республики Беларусь по приговору суда виновного в преступлении как преступника есть изменение его правового статуса – признание его осужденным, введение для него режима судимости» [12, с. 126]. Стоит заметить, что несмотря на абсолютно точную трактовку описываемого понятия, комментарий не передает внутренней составляющей осуждения, его моральный аспект. Однако в некоторых работах этот пробел восполняется. Согласно И.Я. Козаченко и З.А. Незнамовой, «Определить уголовную ответственность как правоотношения, возникающие с момента совершения преступления, в рамках которых и на основании закона уполномоченный на это государственный орган порицает (осуждает) преступное деяние, человека, его совершившего, ограничивает его правовой статус и возлагает на него обязанность вынужденно претерпеть лишения личного или имущественного характера исключительно с целью восстановления нарушенных законных прав потерпевшего и положительной ресоциализации сознания и поведения преступника» [11, с. 72]. В данном определении уголовной ответственности имеется и содержательная сторона осуждения, т.е. осуждение есть акт порицания поступка виновного, на основе которого реализуются различные виды уголовной ответственности.

Исходя из того, что уголовная ответственность может наступить лишь в суде, порицание преступника является только тогда оценочной категорией деяния со стороны государства, когда это порицание выступает следствием приговора суда. В научно-практическом комментарии значится следующее: «Принципиально важным моментом в уяснении сущности осуждения как исходного начала уголовной ответственности является то, что состояние (наличие) осуждения связывается с обвинительным приговором (государственным осуждением преступника)» [12, с. 126]. Подтверждают наш вывод относительно порицания преступления и лица, его совершившего, и ряд ученых, исследовавших данную проблематику. Так, по мнению Э.Ф. Мичулиса, «Суд при этом выражает от имени государства отрицательную оценку личности виновного и совершенного им деяния. Назначенная мера уголовной ответственности отражает оценку судом степени общественной опасности совершенного преступления и достаточности мер для исправления лица, вставшего на путь нарушения уголовно-правового запрета» [14, с. 48–49]. Здесь есть еще один интересный момент касательно достаточности наказания, а именно автор говорит о том, что суд назначает наказание, достаточное для реализации целей уголовной ответственности. Получается, что цели уголовной ответственности могут быть реализованы в полной мере только через наказание виновного, что в принципе уже само по себе подразумевает правовую природой уголовной ответственности. Применяя сроки давности, мы отказываемся от порицания (осуждения) лица, совершившего преступление, и показываем свое нейтральное к нему отношение.

Почему порицание преступления так важно для понятия уголовной ответственности и в уголовном праве в целом? Для этого стоит выяснить, на чем основывается так называемое порицание и что оно в себе несет.

Определение ответственности раскрывает, помимо прочего, внутреннюю сторону осуждения (порицания): «В общем плане ответственность можно определить как неблагоприятные последствия осуждаемого моралью или правом поведения виновного лица» [15, с. 190]. Т.е. порицание основывается на устоявшемся представлении социума о морали и сложившегося на основе этого права. Следовательно, применяя механизм сроков давности, мы не просто не порицаем преступление, а допускаем его совершение с точки зрения собственных моральных позиций, а право оказывается бессильным на это повлиять. Осуждая преступника, общество тем самым показывает свое негативное отношение к преступлению. Или, как пишет Н.А. Кузнецова, «Совершение преступлений предполагает не только уголовную ответственность виновных лиц, но и их моральное осуждение обществом» [15, с. 190]. Таким образом, через осуждение дается не только негативная оценка преступлению, но и гарантия защиты общества и каждой личности в отдельности со стороны государства. Сроки давности наоборот препятствуют порицанию преступного деяния, дают почву сомнениям относительно защищенности общества и личности от преступных посягательств из-за отсутствия реакции со стороны государства в виде осуждения данного посягательства судом. Что касается фактического применения к лицу мер уголовно-правового воздействия и претерпевания им предусмотренных уголовным законом лишений и ограничений как характерной черты уголовной ответственности, данная черта является правовым последствием осуждения лица и обеспечивает достижение целей уголовной ответственности посредством реализации мер, применяемых к преступнику.

Заключение. Итак, уголовно-правовые отношения реализуются в полном объеме только при привлечении преступника к уголовной ответственности для его осуждения и порицания в суде, применения к нему на основе этого мер уголовной ответственности для достижения целей уголовной ответственности. При применении сроков давности лицо к уголовной ответственности не привлекается, следовательно, мы не осуждаем совершенное им деяние и не применяем к нему мер уголовной ответственности, что не позволяет говорить о достижении целей уголовной ответственности. Ввиду вышесказанного представляется возможным говорить об отсутствии порицания преступника при применении сроков давности и как следствие претерпевания им определенных лишений, которые являются следствием осуждения лица в суде. Таким образом, налицо правовая коллизия, вызванная наличием института сроков давности, заключающаяся в невозможности реализации уголовно-правовых отношений в случае применения данного правового института.

ЛИТЕРАТУРА

1. Червонюк, В.И. Теория государства и права : учеб. / В.И. Червонюк. – М. : ИНФРА-М, 2006. – 704 с.
2. Марчук, В. Объекты уголовно-правового отношения, порожденного совершением общественно опасного деяния / В. Марчук // Законность и правопорядок. – 2010. – № 1.
3. Белов, М.Н. Правоотношения в уголовном праве: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / М.Н. Белов. – М., 2003. – 178 л.
4. Кропачев, Н.М. Уголовные правоотношения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / Н.М. Кропачев ; Ленингр. гос. ун-т им. А.А. Жданова. – Л., 1984. – 17 с.
5. Генрих, Н.В. Предмет и метод уголовно-правового регулирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08 / Н. В. Генрих. – Рязань, 2011. – 60 с.
6. Наумов, Н.А. Российское уголовное право : курс лекций : в 2 т. / Н.А. Наумов. – М. : Юрид. лит., 2004. – Т. 1. – 496 с.
7. Петрова, Г.О. Уголовно-правовое отношение / Г.О. Петрова. – М. : ВЮЗИ, 1986. – 41 с.
8. Хун, А.З. Объект уголовно-правовых отношений (Теоретический и правоприменительный аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.З. Хун. – Краснодар, 2004. – 192 с.
9. Элькин, П.С. О понятии сущности уголовно-правовых отношений / П.С. Элькин. – М. : Юрид. лит., 1967. – 129 с.
10. Бабий, Н.А. Уголовное право Республики Беларусь. Общая часть : учеб. пособие / Н.А. Бабий. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2006. – 335 с.
11. Уголовное право. Общая часть : учеб. для вузов / Отв. ред.: И.Я. Козаченко [и др.]. – 2-е изд., стер. – М. : НОРМА, 2000. – 516 с.
12. Научно-практический комментарий к Уголовному кодексу Республики Беларусь / Н.Ф. Ахраменко [и др.] ; под ред. А.В. Баркова, В.М. Хомича. – 2-е изд., с изм. и доп. – Минск : ГИУСТ БГУ, 2010. – 1064 с.
13. Уголовное право. Общая часть : учеб. / под ред. В.Н. Петрашева. – М. : ПРИОР, 1999. – 544 с.
14. Уголовное право. Общая часть : консп. лекций / Э.Ф. Мичулис [и др.] ; под общ. ред. Э.Ф. Мичулиса. – Минск : Изд-во МИУ, 2008. – 272 с.
15. Курс уголовного права. Общая часть : учеб. для вузов : в 2 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – Т. 1 : Учение о преступлении. – М. : ЗЕРЦАЛО, 1999. – 592 с.
16. Курс уголовного права. Общая часть : учеб. для вузов : в 2 т. / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. – Т. 2 : Учение о наказании. – М. : ЗЕРЦАЛО, 1999. – 592 с.
17. Саркисова, Э.А. Уголовное право. Общая часть : учеб. пособие / Э.А. Саркисова. – Минск : Тесей, 2005. – 592 с.

Поступила 03.09.2019

CRIMINAL LEGAL RELATIONS IN THE CONTEXT OF APPLICATION CRIMINAL RESPONSIBILITY

A. BYSTRIKOV

The study is devoted to pressing issues of the implementation of criminal law relations when applying the statute of limitations for criminal prosecution, as well as other grounds for exemption from criminal liability. The types of criminal law relations, various approaches to determining the object of criminal legal relations, as well as the institution of criminal liability as an object of criminal law relations in the context of the implementation of the statute of limitations for criminal liability are considered.

Keywords: *criminal law relations, the object of criminal legal relations, criminal liability, statute of limitations for criminal liability, the purpose of criminal liability.*